

Духовно–назидательный журнал
евангельских христиан–баптистов

ВЕСТНИК СПАСЕНИЯ

*«Веруй в Господа...
и спасешься...»* Д. Ап. 16, 31

4

(48)

1974 г.

**«Всякий,
кто призовет
имя Господне,
спасется»»**

Иооля 2, 32

Что происходит от Господа

В тесное для Церкви Христовой время гонений, когда снова и снова приходится на долгие годы разлучаться с самыми лучшими служителями Господними и, в добавление ко всему, слышать, как в тюрьме их подвергают издевательству и вербовке, а некоторых и умерщвляют, уныл во мне дух. Уныл еще и от того, что свои же собратья из-за страха увеличивают тяжесть уз гонимых. Удар обрушивается за ударом, и забилося тревожно сердце: выдержит ли народ Божий?

И вот в таком тягостном состоянии духа открыл я Библию и думаю: чем же утешит меня Господь? И Господь утешил, дивно утешил: «Зерновой хлеб вымолачивают, но не разбивают его,— читал я с трепетным сердцем,— и водят по нему молотильные колеса с конями их, но не растирают его. И это происходит от Господа Саваофа: дивны судьбы Его, велика премудрость Его» (Ис. 28, 28).

Понял я, что не для сведений агроному написаны эти слова. Здесь сокрыт глубокий духовный смысл. Как по зерну водят молотильные колеса с конями, чтобы вымолотить, но не раздавить зерно, так молотильные колеса гонений водит Господь по любимому народу Своему. Водит не для того, чтобы растереть и уничтожить, но чтобы вымолотить чистое зерно.

Велика премудрость Господня! Нам иногда кажется, что уж слишком тяжелы и остры молотильные колеса, но нет, они никогда не повредят зерна, никогда не раздробят, потому что наблюдает за всем этим Господь Саваоф. Поэтому: «Сын мой! Не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 5—6).

Обратите внимание: «бьет», но не не разбивает! Поэтому, за верность Господу идти в четвертый раз в тюрьму, расставаться с церковью и семьей на десятки лет только за то, что призывал людей жить по Евангелию и служить Богу не взирая на запреты и угрозы безбожников, но несмотря на это все-таки послушно оставаться на току под этими острыми молотильными колесами гонений, значит к концу жатвы лечь чистым золотым зерном в житницу Божью!

Путем страданий и послушания прошел Сам Иисус Христос. Его били не только враги и хулители, но даже в доме любящих Он испытал побои и тесноту. Но Он «не воспротивился, не отступил назад. Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания. И Господь Бог помогает Мне: поэтому Я не стыжусь, поэтому Я держу лицо Мое, как кремень, и знаю, что не останусь в стыде» (Ис. 50, 5—7).

Если Спаситель наш «не воспротивился, не отступил назад», но был послушен Отцу Небесному до смерти и смерти крестной и совершил великое избавление рода человеческого, то тем более мы, дети Его, можем ли желать для себя иного пути, чем тот, которым прошел наш Господь? И если не остался в стыде Он, но победно окончил Свой путь, то не останется в стыде и гонимая Церковь Его, но в период тяжелых гонений выстоит, не падет и не изнеможет, потому что Тот, по Чьей воле это совершается, знает как сохранить избранных Своих! «Это происходит от Господа Саваофа: дивны судьбы Его, велика премудрость Его!» (Ис. 28, 29).

Все ко благу

«...Ты не имел бы надо Мною никакой власти,
если бы не было дано тебе свыше» Иоан. 19, 11

Без воли Божьей ничто не может проникнуть в жизнь того, кто уповает на Господа и находится в послушании Ему. Одного этого сознания достаточно, чтобы наполнить всю нашу жизнь сплошной радостью и непрестанной хвалой. Ибо воля Божия, благая и совершенная, это то единственное, что дает нам чудное упование в этом мире. Она непрестанно, могущественно действует за нас в том случае, если мы всецело преданы Богу и пребываем в вере.

Одна душа, проходя через глубокие воды скорби, писала близкому человеку: «Разве не чудно знать, что какова бы ни была несправедливость или, как бы ясно не было происхождение ее от сатаны, к тому времени как она нас коснется, она является для нас волей Божьей и будет содействовать нашему благу, ибо все содействует ко благу любящим Бога».

Во время предательства Иуды Христос сказал: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»

Наша жизнь как околдованная, если мы пребываем в центре воли Божьей. Все нападки сатаны через неправду других, направляемые им на нас, сводятся ни к чему, потому что они бессильны повредить и остановить благословения Господни на пути к нам.

Нет побочных причин для того, кто находится в воле Божьей. Для такого человека все исходит от руки Божьей, потому что он верит, что Бог начертал весь план его жизни. И в светлые и в сумрачные дни он возлагает свое упование на Господа. Он знает, что верен Обещавший и что Бог есть любовь, потому что мир наполняет его душу.

«Капли росы».

Можно ли СТАТЬ СВЯТЫМ?

Слово Божье говорит: «Ибо воля Божия есть освящение ваше... ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» (1 Фес. 4: 3, 7). Невольно возникает вопрос: как может человек стать святым? Возможна ли вообще такая святая жизнь? Или такая привилегия только избранным дана? Но, если этого могут достичь только избранные, то почему Библия говорит: «Старайтесь иметь... святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14).

Безусловно, требование это сверх наших способностей. Читая Слово Божье вы заметили, что Бог требует от человека быть именно тем, кем он сам не в состоянии быть и делать то, что сверх его сил. Странно, правда? Но так оно и есть. Бог не делает исключения ни для кого.

Возьмите, например, нагорную проповедь: «Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас...» (Матф. 5, 43–44). Или: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (48–ой стих).

Скажите, кто способен к сему? Может ли кто-нибудь достичь такого совершенства? Все мы должны признаться, что это невозможно. И если мы будем рассчитывать на свои силы и способности, то потерпим полную неудачу.

Итак, мы поставлены, с одной стороны, перед требованиями Божи-

ми и нашей неспособностью их выполнить — с другой. И вот, чтобы разрешить этот вопрос, обратимся к Библии:

«Нет праведного ни одного... никто не ищет Бога,— читаем мы на святых страницах. — Все совратились с пути, до одного негодны: нет делающего добро, нет ни одного» (Рим. 3, 10—12). Таким трагическим языком Библия описывает человека.

Но, если я — грешник, то почему? Потому ли, что грешу? Обычно, когда задаешь этот вопрос, люди отвечают: «Мы — грешники, потому что грешим!» Правильный ли это ответ? Потому ли мы — грешники, что мы грешим?

Читайте внимательно Слово Божьей, в частности, послание Римлянам, где Апостол Павел тщательно разбирает этот вопрос, и вы обнаружите, что Слово Божье так не учит. Мы — грешники не потому что грешим, но мы грешим, потому что мы — грешники!

Вы спросите: какая тут разница? Разница большая и важная. Возьмите, к примеру, какого-либо русского человека, рожденного в Америке. Его родители и прародители — русские, но он, живя среди американцев, ни слова не говорит по-русски. Что вы скажете, разве он не русский! Конечно, русский?

Мы — грешники по рождению, по природе, а не по нашим поступкам. «Непослушанием одного человека сделались многие грешными...»,— читаем мы Рим. 5, 19. Что это значит? А то, что весь род человеческий стал грешным через непослушание Адама. Он пал и потянул за собой всех нас. Подобно тому, как я унаследовал от родителей национальность, так унаследовал я греховную натуру от моего прародителя Адама. Следовательно, я — грешник не потому, что я грешу, а потому что я таковым родился.

Есть люди, которых можно назвать порядочными, потому что в моральном отношении они стоят выше других. Они любезно и снисходительно обращаются с окружающими, живут мирно, спокойно и никому вреда не делают. Ну, совсем «праведники», ведь не назовешь же их грешниками. Но это ложное заключение. Каким бы порядочным ни был человек по своим поступкам, по природе он все же — грешник. Он стал таким по наследству, потому что родился с Адамовой натурой. Так что дело тут не в поведении, а в наследстве. Иначе говоря: я — грешник не потому, что я грешу, но потому, что я родился таковым и потому я грешу.

Эту истину важно постоянно иметь в виду, потому что человеку свойственно думать о себе, что в нем все же есть что-то доброе.

Например, мы в чем-либо поступили очень плохо, но нам кажется это случайным промахом, по существу мы не такие уж плохие,— думаем мы. Но Слово Божьей говорит, что мы именно по существу плохие, крайне испорченные, что нет в нас добра. Апостол Павел говорит:

«Знаю, что не живет во мне, то есть во плоти моей доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Бедный я человек, — взывает Апостол,— кто избавит меня от сего тела смерти?»

Следует отметить, что эти слова говорит прощенный грешник, человек, который родился свыше и получил прощение грехов. Читая эту главу нельзя не согласиться, что говорит об этом прощенный грешник, чадо Божье. А то как бы он мог сказать, что желание добра есть в нем? Это желание Бог влагает в сердце каждого грешника, принявшего Его спасение.

Но увы, этот возрожденный, получивший прощение человек, вскоре обнаруживает, что доброго, которого он хочет, не делает, а злое, которого не хочет — делает. Как это понять? Давайте будем искренни. Кто из нас не переживал подобного? /Я говорю о тех, которые по благодати Божьей, верой в Иисуса Христа сделали сопричастниками Его естества/.

Желание есть, а чтобы делать добро, для того нет силы. Неужели нет выхода из такого жалкого положения? Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Что отвечает Библия на этот вопрос? — Никак! И вот, чтобы нам не оказаться пораженными нашей греховной натурой, нам необходимо знать (как говорил Апостола Павел: «Знаю...») определенные факты, совершенные для нас Богом через Сына Его Иисуса Христа.

Когда грешник приходит с покаянием к Богу, то первое, что необходимо ему получить — это прощение. Кровь Иисуса Христа Сына Божьего не только очищает грешника от всякого греха, но и устраняет вину греха. Потому во Христе Иисусе, бывший некогда далеко, грешник стал близким Богу посредством Крови Его Сына. Да, блажен человек, которому Господь не вменит греха. Благодарение Господу, что мы имеем такой чудный и свободный доступ к Богу. Если ты не омылся в Крови Иисуса Христа, то сделай это сейчас, приди к Нему и ты найдешь прощение и мир с Богом. О, какой это чудный момент в жизни грешника, когда ему все прощается и он — виновный, делается не виновным! Какая благодать! Какая милость!

Мы уже напоминали, что прощенный грешник все же впадает в грех. Его духовная жизнь идет то вверх, то вниз. Он то одерживает победу над грехом, то грех одолевает его. Впадая в согрешение, человек с горечью решает, что он этого не будет делать впредь, не будет раздражаться, не будет малодушествовать. «Попробую еще раз»,— принимает он новое решение, но надолго ли? И опять — падение, новый срыв. И вот, отчаявшись вконец, мы обнаруживаем, что наша святая жизнь не зависит от исправления нашего внешнего поведения и что причина наших неудач

кроется глубже. Мы желаем угождать Богу, жить чистой святой жизнью, но обнаруживаем, что внутри нас что-то мешает, что-то сопротивляется и не хочет покоряться Богу. Желая смиряться, мы находим, что в нас нет смирения; стараясь любить, не находим в себе любви. И чем больше мы пытаемся исправить себя, тем больше убеждаемся: насколько неподатлив наш внутренний человек.

Возлюбленные! К этому именно сознанию Господь и хочет нас привести: что не только поступки наши плохи, но мы сами плохи и окончательно испорчены. Если вода в источнике плохая, то дело не в насосе, который ее подает. Новый насос не улучшит воду, виноват источник. И вот, когда я прихожу к сознанию, что я испорчен сам, что нет во мне добра, тогда, дорогие мои, я стою на пороге избавления.

Вернемся к нашему тексту: «Воля Божия есть освящение ваше; призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости». Если Господь требует от нас святости, а мы сами достичь ее не можем, тогда, значит, Он должен ее дать. Но самое дивное то, что Он ее уже дал. Мы ее имеем. «От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1 Кор. 1, 30). Точно также, как Христос стал нашим оправданием, Он есть и наше освящение. Это основной факт, который мы должны знать. Мы терпим поражение в нашей духовной жизни, потому что не знаем этого чудного факта нашего избавления. Бог избавил нас не только от вины греха, но и от его силы. Как непослушанием одного человека, т. е. Адама, сделались многие грешными, так послушанием одного, т. е. Иисуса Христа, сделаются праведными многие. В Адаме мы получили все плохое и пагубное, во Христе — все доброе и святое. Наша неудача в Адаме, наша надежда — в Иисусе Христе. Поэтому Апостол Павел спрашивает: «Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножились благодать? Никак!» Почему? Потому что мы умерли для греха, как же нам жить в нем? И вот тут Апостол Павел напоминает основную истину о нашем положении во Христе: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» Но это не все: «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 3—4).

Но ты говоришь: «Я не знаю, как мне пребывать во Христе?» О друг! Если ты чадо Божье, ты уже во Христе. От Него, т. е. от Бога и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и искуплением и освящением»,— говорит Слово Божье.

Бог совершил для нас то, чего сами мы не могли и не сможем. Нам не нужно вымаливать у Бога победу, Он ее уже совершил во Христе Иисусе. И если мы во Христе, то Его победа делается нашей по-

бедой. Нам остается теперь только славить и благодарить Его. Когда Христос умер, тогда и я умер и когда Он воскрес, тогда и я воскрес. Этот факт ничто и никто не может изменить. Верь и начни славить Господа. В 105-ом Псалме сказано: «И поверили они словам Его и воспели хвалу Ему».

Вечная слава и хвала Возлюбившему и искупившему нас Христу. Аминь.

Я. Н. Пейсти.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ БЛАГО ЖИЗНИ

«А входим в покой мы уверовавшие...»

Евр. 4, 3.

Я обращаюсь сегодня к тем, которые тщетно старались найти прочное счастье. Бросаясь то в одну, то в другую сторону, вы исколесили по всем направлениям мир, но напрасно. Теперь я вижу вас усталых, обеспокоенных, прикованных словно каторжников к веслам. Вижу страх на ваших лицах, потому что звук бича вашего хозяина уже раздаётся у вас в ушах. Долго трудились вы из-за тщеславия, страсти, из-за скупости или других побуждений. Но, молю вас, остановитесь на минуту и прислушайтесь к голосу тех, которые свидетельствуют вам, что освобождение от рабства есть и что покой можно найти уже теперь.

Пока ваша ладья плывет по течению и напряжение ваше не так сильно, прислушайтесь к песне искупленных Кровью Иисуса, ибо они поют о покое, который можно иметь по ту сторону могилы. Прислушайтесь немного и, быть может, вы узнаете как они обрели его и узнаете как вам его найти.

Что, если ваши цепи порвутся сегодня, ваш труд окончится и вы пойдёте в совершенный покой? Если так, то ведь это будет самый радостный день, какой когда-либо знала ваша душа! И другие будут разделять вашу радость. Мы, имевшие счастье помочь вам, будем радоваться вместе с вами. И духи Ангелов перед престолом также возрадуются о том, что ещё один утомленный обрел покой во Христе Иисусе.

Из приведенного текста Священного Писания видно, что только уверовавшие получили этот покой теперь. Обратите внимание: это не такой по-

кой, о котором можно только слышать или говорить, или желать его. Это покой, в который некоторые верующие уже вошли теперь и наслаждаются им. Верующий успокаивается относительно грехов своих, потому что видит, что они возложены на Иисуса. Грехи не могут быть сразу в двух местах. Итак он заключает: если грехи возложены на Христа, то они уже на Нем; и он радуется своему освобождению от грехов через возложение их на своего заместителя. Верующий во Христа Иисуса видит, что грех уже наказан в Иисусе Христе и, зная, что правосудие никогда не требует двойного наказания за вину или двойной платы за долг, он остается совершенно спокойным по отношению к прошлым грехам. В лице своего Заложника он уже претерпел тот ад, который заслужил своими беззакониями. Христос, страдая за него, удовлетворил все требования правосудия, и сердце верующего совершенно покойно.

Многие люди отягчены различными заботами. Богатые беспокоятся как сохранить и увеличить свое состояние. Бедные — как свести концы с концами и не ударить лицом в грязь перед другими. Но разве у христианина нет забот? Но верующий в этом случае научился возлагать свои заботы на Того, Кто печется о нем. Он внял голосу, который говорит: «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Фил. 4, 6). «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Матф. 6, 28—29). Какой покой это дает душе, когда мы чувствуем, что Бог все исправляет и все совершает по Своей предвечной мудрости.

Но разве христианин не имеет смущения и искушений? Разве он не бывает болен? Разве не со слезами он нисходит в могилу, разве у него не бывает трудной жизни? О да, он не застрахован от горя, но он знает, «что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8, 28). Он не видит Божьего гнева в своих потерях и не боится ярости Божьей в наказаниях. Он верит, что милосердие Божье есть в каждой чаше, что милость и истина, как серебряная нить проходят через всю его жизнь. Пока он верит, он спокоен. Заметьте, только по мере веры он входит в покой. Если его вера достаточно сильна, ни одна волна смущения не пройдет через его душу.

—Однако,— скажет кто-нибудь,— спокоен ли христианин в момент смерти? Да, ему надлежит умереть, как и каждому человеку. Но именно здесь его покой наиболее совершен, ибо он научился смотреть на смерть не так как на врага, а как на друга. И отшествие из мира для него явление желательное. Умереть и быть со Христом для него несравненно лучше. А разве томление и предсмертная борьба, страдание и агония, предшествующие, обыкновенно, смерти, не нарушают покоя христианина? Нет, говорю вам. Ког-

да вера его тверда, он смотрит на все неприятности, с которыми сопряжено разрушение земной храмины, как на определение Отца и покоряется им, зная, что с усилением телесных страданий, внутреннее утешение умножится. Умирая теряет серебро телесной силы и приобретает золото небесного опыта и, конечно, оказывается в выигрыше. Смело может он смеяться над смертью и радоваться при мысли о переходе туда, где будет вечно со Христом.

2. Как же получить покой?

«Мы, уверовавшие»,— говорит наш текст. Что такое уверование? Простое доверие! Доверие Христу, Которого Бог предназначил быть Спасителем. Доверие к Богу и вера в Его бесконечную любовь к нам, доверие Духу Святому и позволение Ему обитать в нас. Доверие приносит покой. Это простая истина, но ее нужно помнить, с ней считаться и быть в ней уверенным. Покой или мир не приходит к верующему через его дела, хотя он должен трудиться для Бога и не может не творить добрых дел, если у него в сердце есть благодатная жизнь. Он может быть крещенным, исполнять все христианские обряды, но это не даст ему покоя. Мир приходит через веру в Иисуса Христа. Апостол как бы говорит нам в этих словах, что те, которые верят в Иисуса Христа, входят в покой независимо от чего-либо другого и несмотря ни на что другое. «Входим в покой мы, уверовавшие».

На основании этого текста я благословляю не чувства, а веру. Неужели вы не можете доверить Сыну Божьему вашего спасения? Можете ли вы не верить обетованию, которое добровольно дается всякому, кто только доверится ему? Перестаньте, умоляю вас, искать в тайниках вашего сердца золотые утешения. Идите ко Христу, в Нем вы найдете удовлетворение всем нуждам вашей души. Быть может, вы говорите себе: «Я не имею того мира, который имел раньше. Буду больше читать Библию, больше молиться, чаще посещать богослужения и т. д.» Все это очень хорошо, но не принесет вам покоя. Покой душа находит только в Иисусе.

Никакое таинство в мире не даст вам покоя и ни один проповедник не волеет мир в усталую душу. Придите теперь, не опираясь ни на что свое, приблизьтесь к безграничному милосердию Божью, проявленному некогда в пронзенном сердце Его Возлюбленного Сына, и Он даст вам мир. Иисус не может тебя оттолкнуть, это совершенно немислимо. Если ты доверишься Ему сегодня, через Кровь Свою, говорящую лучше нежели Авелева, Он даст тебе такой же покой, какой имеют прослужившие Ему пятьдесят лет.

3. Основание покоя христианина.

Во время страшной опасности неразумно пребывать в покое и убаюкивать себя ложным и надеждами. Опасно спать в доме, построенном на песке, когда началось наводнение и ветер сносит все вокруг. Немислимо

быть спокойным перед казнью, когда эшафот уже воздвигнут и приближается исполнение приговора. От такого покоя избави нас Бог. Но верующий имеет полное основание быть спокойным. Почему?

Он надеется быть спасенным тем путем, которым назначил Сам Бог. Это Божье определение, чтобы Иисус Христос был жертвою за грех и Он торжественно объявил, что верующий в Него не погибнет. Я глубоко убежден, что Бог верен Своему слову. Он даровал Христа для моего спасения. Я чувствую, что нет риска в моем уповании на Него. Я успокаиваюсь в Нем и, если Бог верен, то моя душа в безопасности.

Затем верующий утверждается на личности Иисуса. «Тот, Кому я вверяю свою душу,— говорит он,— никто иной, как Сам Бог! Я знаю, что в Нем могу успокоиться, Его сила меня сохранит и доведет до последнего часа». Это твердая скала, на которой можно спокойно стоять.

Верующий, кроме того, знает, что все нужное для спасения его и всех избранных, уже совершено. Долги, которые числились за нами, уплачены нашим Заложником. Поэтому верующий не боится оказаться на суде и быть заключенным в темницу.

Воскресение Иисуса — это Божья расписка в уплате за грех всего мира, возложенный на Заложника. Он воскрес для оправдания нашего! И христианин говорит: «Хотя бы мои грехи были так многочисленны, как песок морской, все, что за них полагается, уплачено Христом, и потому никакое наказание не может быть предъявлено мне». Это великое основание для мира, неправда ли? Кроме того, верующий говорит: «Умерший за меня, вечно жив. Он воскрес. Великий Заместитель мой не мертв и не в могиле. Я не потерял моего Друга. Он жив, Он одесную Бога и ходатайствует за меня. Сильный, чтобы спасать и избавлять. Он всегда готов проявить Свою силу по отношению к Своему народу. Зачем же мне беспокоиться? Если Христос жив, то и я буду жить».

Верующий знает еще, что Бог вступил с ним в вечный завет и ручается за исполнение каждого Своего обетования. Несомненно, верность Божья — хорошее основание для успокоения души. Разве можно бояться, когда наша твердыня и убежище — Христос. Хотя бы основание земли поколебалось и горы сдвинулись в сердце морей, мы не можем допустить мысли, чтобы Предвечный Бог солгал. Если бы основы Божьей верности поколебались, тогда праведники погибли бы, но такого несчастья не может произойти. Верующие хорошо делают, что утверждают на таком твердом основании.

— Ах,— скажет кто-нибудь,— будет ли у меня когда-нибудь такое основание для утешения?

— Почему же нет, бедная душа! Поверь Господу Иисусу Христу и ты обретешь покой. Только для неверующих нет и может быть покоя.

Если вы сегодня же откажетесь от вашего своеволия, перестанете упорствовать в неверии и доверитесь воплощенному Богу, Который пролил на кресте Свою Кровь за вас, то получите прощение, будете приняты, Дух Святой сойдет на вас и мир ваш будет велик и глубок. Он будет началом небесного мира, будет расти и расширяться по мере того, как вы будете больше познавать Христа и уподобляться Ему и, наконец, вырастет в целый океан вечной радости. И все только через веру, через доверие.

Ничего не говорится здесь о степени грехов доверившегося, велики его грехи или малы; ничего о мягкости или нежности его сердца; ничего о его способности или неспособности; сказано только, что «уверовавшие». «Мы, уверовавшие», кто бы ни были, если только мы доверились, если усвоили Божье Слово и утвердились на нем — мы входим теперь же в покой и наслаждаемся им.

Мое последнее слово к тем, которые никогда не знали святого покоя. Как мне жаль вас, хотя нравственно вы хороши, так милы, так приветливы, но не имея одного — вы несчастны и никогда не будете счастливы, пока не обретете покоя! О, если бы вы им обладали! Если бы вы получили его сегодня!

Я помню, когда я впервые обрел покой, я не думал, что это так просто. Я не хотел этому верить и боюсь, что не поверил бы доселе, если бы Дух Святой не просветил меня. Я не мог поверить, что мир обретался только через доверие. Я говорил: «Как? Только верить?» А теперь я познал, что доверие — одно из величайших благ мира, ибо оно приносит с собою тысячи других благ. Оно приносит семь других духов столь же благословенных, когда входит в человеческое сердце и пребывает в нем. Если можешь веровать, все возможно верующему. Эта истина непреложная и теперь. Если можешь довериться Тому, Кто, став Человеком, пришел спасти людей и страдал для того, чтобы люди не страдали, Кто воскрес и вознесся на небо и придет вторично, чтобы судить мир, если ты можешь отдать свою душу в Его руки, она будет в безопасности. Он не может ее потерять и не погубит ее. О, если бы ты мог довериться Иисусу сегодня же! Ты тогда сделался бы обладателем того покоя, которым наслаждаются дети Божьи. Да будет так! Мы желаем видеть пришествие Царствия Божьего, хотим, чтобы Христос мог смотреть на подвиг души Своей с довольством и надеемся, что вы послужите, так сказать, вечной иллюстрацией Его любви. Склоните свое сердце, покоритесь сладчайшему действию Духа Святого, веющего теперь над вами. Доверьтесь и найдете покой душам вашим.

Сперджен.

ЗАПИСКИ БАПТИСТА

Краткое жизнеописание баптиста
Егора Никаноровича Иванова

...В этом году особенно много ссылали братьев в Закавказье, а к тому же в России, и особенно в Закавказье, была холера. Жители из нашего города Елисаветполя почти все бежали в горы. Все магазины и лавки были закрыты.

В это время прислали этапом братьев и других сектантов. Освободили из тюрьмы сорок душ. Между ними были мужчины, женщины и дети. Все они пришли к нам во двор. Помещения для всех было мало. Тогда мы сделали из досок сарай и нары и разместили всех, оказав необходимую помощь, так как большинство из них пришли в арестантской одежде.

Я получил в июне письмо из Тифлиса. Жена Кальвейта с детьми ехала из Тифлиса в Гирюсы к своему мужу. Она просила проводить их до станции Евлах и там нанять подводу. Мы встретили их на вокзале и я поехал с ними в Евлах. Приехали туда в 11 часов вечера. Была сильная жара и комары. Ночевать было невозможно, комары кусали без милосердия детей. Я пошел звать почтовых лошадей, но их не было; фаэтонов и фургонов тоже не было, потому что из Баку с каждым поездом приезжали громадные толпы народа и уезжали в горы; бежали от холеры. Фаэтоны и фургоны, которые в обыкновенное время можно было нанять за 8—12 руб. до гор Шуши, теперь стоили 40—50 рублей. Мы наняли один фургон за 35 рублей и ночью же уехали. Я должен был провожать их до Шуши, потому что с татарами нельзя было оставить женщину с детьми.

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

Ключник крепко притворил за мной двери, загремел ключами, запер на замок, и в окошко крикнул: «Возьмите своего товарища!» Я вошел в камеру. Это квадратная девятиаршинная, светлая и теплая комната. Вдоль стен сделаны нары, на которых спали арестанты. До моего прибытия в этой камере помещалось 19 арестантов, я был 20-ый. Кроме этой камеры были еще три отделения, но коридор был один. Все четыре комнаты были полны арестантов, которые с нетерпением ожидали меня, так

как знали, что я уже осужден. Им очень хотелось видеть, что это за человек, который осмелился переменить веру, не поклоняться иконам, не почитать святых угодников и мать Божью.

Как только я появился в камере, они сейчас же окружили меня со всех сторон. Посыпались расспросы: кто, как зовут, откуда, есть ли родственники, жена, дети? За что судили? Куда и насколько?

Очутившись в такой среде, я содрогнулся, как мороз пробежал по мне. Насколько возможно было я отвечал на их вопросы. Некоторые смотрели на меня сурово и говорили: «Мало ему! Его следовало повесить! Эко! Он умней наших священников. И сам царь православный, и все ученые люди, они молятся святым и поклоняются иконам, что, они глупей его? Ему надо эту дурь выбить из головы, тогда он будет знать как менять веру!»

Я слушал все это в оцепенении. Потом пришел в себя и вспомнил, что я сюда попал не за воровство или убийство, и что Сам Господь страдал! И начал говорить им: «Я верую во Христа и Его учение (и показал им Новый Завет). Вы верите в Евангелие? Я тоже верю ему и стараюсь исполнять то, чему оно учит нас. Потом говорил им о втором пришествии Господа, о Его праведном суде и что все люди должны явиться перед Ним и Он праведно осудит каждого по делам. Там не будет ложных свидетелей,— говорил я,— а каждый будет видеть свои дела и чего он достоин. Я читал им из Евангелия те места, где говорится о втором пришествии Господа. Все умолкли и слушали. — Все люди без различия звания от природы грешники,— продолжала я,— и заслуживают вечное наказание. Затем говорил им о любви Божьей и о примирении грешника с Богом посредством искупительной жертвы Христа, и что для каждого из них есть спасение, которое дается даром.

Слушая это, некоторые плакали. Весь этот день до вечера я с ними беседовал.

Перед вечером отворили все камеры и арестантов выпустили во двор для прогулки на один час. Из других камер пришли, слушали, а через час приказали всем идти по своим местам, и проверяли арестантов. Затем двери заперли на всю ночь до утра.

Обычай у арестантов такой: когда к ним приходит новичок, незнающий их порядка, они устраивают какую-либо игру и в этой суматохе бьют вновь прибывшего. Мне этого не пришлось испытать, потому что до десяти часов вечера я беседовал с арестантами. Я читал им Евангелие до тех пор, пока ключник не закричал: «Довольно, ложитесь спать!»

В этот же вечер один из арестантов со вниманием слушал слово Божье и уверовал в Спасителя. Он просил меня лечь рядом с ним спать, постелил мне свою постель. У него была своя одежда, потому что

он осужден был на высылку на малый срок без лишения прав. С разрешения ключника мы легли спать вместе, но без привычки я не мог скоро уснуть, потому что там было много клопов. Долго еще я говорил с моим товарищем о Господе.

Утром, как только отворили камеры, арестанты из других камер пришли, расспрашивали, за что осужден и прочее. Одни начинали беседу о религии, доказывали, что я заблудился. Другие, наоборот, слушали, что я говорил им из Евангелия. Нашлись и такие, которые полюбили Слово Божье. С этими я стал читать Евангелие по порядку и насколько возможно объяснял им.

Позже смотритель разрешил мне иметь при себе Библию. С более близкими друзьями я начал читать ее по порядку. Времени для чтения было довольно, потому что другой работы не было. Один месяц я свободно читал Библию и говорил со всеми арестантами и надзирателями (ключниками), но два надзирателя были против и всегда угрожали бить меня и посадить в одиночку.

Доносили смотрителю, что я совращаю арестантов, но он не обращал внимания и говорил: «Пусть читают». Вскоре надзиратели донесли священнику и тот принял меры. У меня отобрали Библию и товарищей моих перевели в другую камеру и приказали следить за мной, чтобы я во время прогулки во дворе не разговаривал с ними.

Просидел в тюрьме после суда в г. Бахмуте 8 месяцев. В последних числах июля 1885 года мне объявили, что отправят этапом в Закавказье. За один день до высылки смотритель пригласил в тюрьму цирюльника (парикмахера) и кузнеца. Первый обрил мне правую половину головы, а кузнец надел мне на ноги кандалы и на наковальне заклепал их наглухо. В теле было ужасно неприятное ощущение: ходить неловко стало; новое железо трет ноги, притом без привычки, по неосторожности я защищал ноги. Было больно, в особенности ночью во время сна.

Но при таких трудных обстоятельствах, когда я смотрел на окружающих меня арестантов, мои страдания в сравнении с ними были ничтожны, потому что они страдали и не имели никакой надежды, утешения. В трудные минуты приходили на память страдания Спасителя за грешников и притом я знал, что никакого зла не сделал, и всем этим страданиям будет конец.

На второй день в 10 часов утра пришли конвойные солдаты и с ними офицер, потребовали арестантов, которые должны отправиться этапом в разные места. Тогда были выведены арестанты, одетые и с сумками. Вывели и меня в караульный дом. Офицер приказал обыскать всех арестантов, а в особенности меня, т. к. я один был в кандалах из всей партии. У меня была с собой одна пара рубах собственных

и офицер приказал выбросить, а оставить только казенную, потому что лишенным всех прав состояния, воспрещается по закону иметь с собой собственные вещи. Когда всех обыскали, у меня осмотрели кандалы, убедившись в их прочности, и голова уже была перебрита, значит было все в порядке.

Повели нас на вокзал, посадили в вагон. На этот раз конвойные были добрые, допустили ко мне моего брата и мы с ним проехали от Бахмута до ст. Никитина КХА. ж. д. На этой станции пришлось несколько часов ожидать и пересаживаться в другой поезд. С братом распростился и он поехал домой, а меня передали другому конвою. Эти солдаты были очень грубы, с арестантами обращались, как с животными: опять обыскали, ощупали всех и тогда приняли в вагон.

На второй день приехали мы в Ростов н/Д. Там с вокзала отвели нас в тюрьму. В Ростове были братья по вере, которые лично знали меня. Они слышали, что меня привезли, пришли посетить, но их не допустили. Я из окна второго этажа видел, какие они печальные уходили назад. В Ростовской тюрьме я оставался три дня, а затем меня отправили далее по ж. д. во Владикавказ; многие братья пришли на вокзал проводить меня.

Приехали во Владикавказ, там опять отвели нас с вокзала в тюрьму. Во Владикавказской тюрьме сидел 15 дней. Оттуда до Тифлиса отправили по Военно-Грузинской шоссейной дороге пешком. До Тифлиса нас вели 12 дней. Здесь в кандалах было нелегко идти пешком. От этой дороги у меня осталось навсегда в памяти три события. Первое — это дневка на станции Кобэ. Там этапный дом маленький; комната, где поместили нас, была продольная, длиной около десяти аршин и шириной около восьми аршин, высота 3,5 аршина. В этой комнате поместили 102 арестанта, т. е. из Тифлиса пришел этап в 83 арестанта (их отправляли в Сибирь на каторжные работы), и нас — 19 арестантов. Когда мы пришли, места на нарах, на полу и даже под нарами были все заняты. Некоторые каторжники лежали на нарах, а остальные сидели, потому что лечь не было места. Теперь еще нас 19 человек туда вопхнули. Тогда совсем места не было, чтобы все могли сидеть. Пол был в этой комнате земляной, неровный и грязный, так что сидеть было невозможно от грязи. В этой комнате нужно было оставаться двое суток, потому что по расписанию на этой станции полагается дневка. Через несколько часов воздух сделался страшно отвратительным. Просидели до вечера. Так как после захода солнца арестантов не полагается выводить во двор, то принесли «парашу». Я более не мог стоять на ногах от усталости и захотел спать. Тогда я сел на сырой земляной пол возле «параши». Это было ужасно! По временам, я засыпал, но часто

меня будили арестанты, которые перелезали через других и подходили к «параше». Утром ее вынесли и арестантов выводили во двор. Вот в таком состоянии просидели мы двое суток.

На третий день нас вывезли из этого отвратительного гнезда. Мы были очень рады, что выбрались на свежий воздух.

Нас повели далее. Пришли на следующую станцию. По привычке от усталости, как вошли в арестантскую комнату, разделись, положили вещи на нары и сами легли отдыхать. Через несколько времени я проснулся и почувствовал, что меня кусают насекомые и когда осмотрел белье и шинель, то в них было столько вшей! Я не знал, что с ними делать. Нужно было снимать белье и бить камнем по вшам, но это мало помогало. Оказалось, что партия арестантов, которая шла из Тифлиса в Сибирь, оставляла этих насекомых во всех этапных домах.

На следующих станциях мы были осторожней: прежде всего вычищали нары, а потом ложились спать. Со станции Годауры к Млетам нас конвойные повели не по дороге зигзагами, а прямым кратчайшим путем, т. е. вьючным. Нам пришлось спускаться с очень крутой горы. Тут мне было очень трудно в оковах. С большим трудом спустились вниз; после этого дня у меня ноги сильно болели.

Однажды нас застал в дороге дождь и опять конвойные повели нас прямой дорогой. На этот раз не было крутых гор, а была грязь. «Коты» — арестантские башмаки, на мне совсем порвались и под пятку попался гвоздь. Этим гвоздем я протер себе ногу до крови, далее не мог идти и едва упросил конвойных немного остановиться. Я кое-как завернул ноги портянками и пошел дальше.

На 14-ый день мы пришли в Тифлис, т. е. 19 августа 1885 года. Отвели нас в пересыльную тюрьму. Меня послали на первый двор, где сидят каторжные арестанты, а остальных разместили в камерах. Нас долго держали в губернском правлении, потом в городе по камням пришлось долго ходить. Я очень усталый пришел в камеру. Арестанты, как кандальнику, дали место на нарах. (Арестанты между собою оказывают более почестей тем, которые в кандалах.) В этой камере было несколько человек, осужденных на каторжные работы. Они еще не были закованы, но все же были распорядителями в этой камере. Они встретили меня гостеприимно. Приказали другим арестантам принести воды и, по восточному обычаю, омыли мне ноги. Я было хотел сам омыть ноги, но они не позволили, а просили не препятствовать оказать мне как страннику гостеприимство. Затем принесли чай и закуску. Это мне впервые в жизни пришлось видеть восточно-библейский обычай гостеприимства — омовение ног.

В Тифлисской тюрьме мне пришлось просидеть 34 дня. Два раза

в неделю братья приходили посещать меня и они много хлопотали, хотели освободить меня и взять на поруки, но это им не удалось. Оттуда отправили меня этапом по ж. д. в Елисаветполь — это была последняя для меня тюрьма. В ней сидел три дня, пока пришли бумаги из губернского правления.

25 сентября 1885 г. меня позвали из камеры в канцелярию. Смотритель приказал снять с меня кандалы. Пришел слесарь с молотком, наковальней и зубилом. Разрубил заклепку в кандалах и я снял их с моих ног. Я почувствовал как будто бы большая ноша свалилась с меня и чувство душевной радости явилось, но отнесся к нему со страхом и недоверием. Неужели я буду свободен,— думал я,— и за мной не будет ходить солдат с ружьем, готовый при малейшем сопротивлении его воле, пронзить штыком и убить наповал пулей? Неужели за мной не будет ходить надзиратель с ключами и с саблей и зорко наблюдать за каждым движением во время прогулки во дворе? Он всегда идет сзади, гремит ключами; возвращаясь в камеру, он крепко притворяет двери и запирает на замок и опять в отверстие двери с суровым видом наблюдает за каждым движением арестантов.

Самое опасное в тюремной жизни — это не впасть в подозрение арестантов, не выдать их секретов: фабрикаций кредитных билетов, подкопов! Если они заметят, что между ними есть арестант, который может выдать их секрет, то такого человека жизнь находится на волоске. Вот все эти вопросы волновали мою душу: неужели я буду свободен от всего этого?

Из канцелярии пошел в камеру. Там переоделся в свою одежду, которую мне дали в Тифлисе. Казенные вещи, т. е. халат и две пары рубах, шапку и портянки отобрали у меня. После сдачи вещей надзиратель повел меня в полицейское правление. Там расспросили меня: кто я, какой веры и пр. Все это записали и потом сказали: «Теперь ты свободен, только без спроса не отлучайся!»

Из полиции я вышел на улицу, не веря самому себе, что я свободен. Осматривался по сторонам и назад; никого возле меня нет: ни надзирателя с ключами, ни солдата с ружьем. Тогда я убедился, что я свободен, сердечно благодарил Господа, что Он дал мне силу перенести такое испытание и дал здоровья. Радости казалось не было конца.

Далее я пошел по улице, многих людей встречал, но знакомых никого нет и даже очень редко кто понимал по-русски. Тут моя радость обратилась в печаль именно от того, что очутился одинокий в совершенно незнакомой стране и между чужим народом. Но эта печаль недолго продолжалась. Я вспомнил, что у меня в Тифлисе есть близкие друзья: Василий Ник. Иванов — он служил депозитором в Библейском

обществе. С ним я проводил часто радостно время в Харькове в первые дни моего обращения — и теперь я имел возможность возвратиться в Тифлис.

Пока я рассуждал об этом, день уже склонился к вечеру, нужно было искать ночлег. Из русских жили в городе человек пять или шесть староверов. Один из них был староста над русскими. Он уже жил там около 12-ти лет, т. е. в ссылке. Его я встретил около полиции, просил, чтобы он позволил мне переночевать в его доме. Он позволил мне ночевать в сапожной мастерской. Придя к нему, я писал письма и телеграммы моим родственникам и знакомым о благополучном освобождении. В это время в комнату вошли двое русских мужчин. Один из них был проповедник брат из Ново-Ивановки Елисаветского уезда В. В. Иванов.

До этого времени мы лично с ним не были знакомы, но я слышал о нем. Он один раз был в Харькове, когда я еще был на свободе, но я не виделся с ним. Теперь после девяти месяцев тюремного заключения, где все время был окружен самыми низкими человеческими существами, видя и слыша дела беззаконные, первого встретил брата во Христе, с которым вместе воздал сердечную благодарность Господу и с ним мог радостно провести три дня в городе Елисаветполе. Эта первая наша встреча запечатлелась в наших сердцах: дружеская братская любовь навсегда установилась между нами!

На третий день как меня освободили из тюрьмы, я взял в полиции паспорт для свободного проживания по всем городам и селениям Закавказского края и возвратился в Тифлис, разыскал моего друга В. Н. Иванова — это было утром в воскресенье (у него были мои вещи, присланные из Харькова). Иванов и его жена были дома, я успел переодеться и пошел с ними на собрание к братьям баптистам. Это было впервые раз в моей жизни — быть на собрании, где свободно, при открытых дверях, проповедовали Слово Божье. Радости не было конца! Проповедовал Вас. Гур. Павлов.

В 1889 и 1890 г.г. последовало распоряжение от правительства: воспретить выдавать ссыльным паспорта по Закавказскому краю и приказано всех собрать в гор. Елисаветполь.

По прибытии в этот город, я явился в полицию. Там отобрали у меня паспорт, хотя срок еще не истек, строго приказали не отлучаться никуда из города. Это была вторая ссылка для меня. Только было направил торговлю, чтобы жить безбедно, теперь должен был оставить все. Секретно возвратился в Тифлис и там продал свою часть и переехал с женою в Елисаветполь на жительство. В это время туда много было собрано ссыльных и большинство из них без всякого занятия

и без средств к жизни. Многие жили в самых грязных квартирах и холодных. Были больные лихорадкой и тифом.

Мы приехали в немецкую колонию Helenendorf в семи верстах от Елисаветполя. Там мы начали работать, т. е. шили белье, платья и прочее. Моя жена хорошо знает белошвейную работу. Я помогал ей шить на машине, так что мы могли свободно зарабатывать себе на насущный хлеб. С помощью Господа мы не бедствовали, к тому же у нас еще не было детей.

Но мы не могли спокойно оставаться там, потому что наши братья ссыльные в Елисаветполе находились в самом критическом положении, в особенности те, кто только что выходил из тюрьмы. Целые семейства были полунагие. Некоторые в арестантских халатах скитались по городу, искали себе работы. Хотя их деньги были сданы начальству в тюрьме, но они их получили очень поздно, месяца через 4—6, а другим пришлось ожидать по целым годам, пока их деньги, отобранные в тюрьме, присылали. Поначалу целые семейства без денег и без одежды должны были голодать и умирать от лихорадки и тифа, не имея приюта.

Я оставлял свою работу в колонии и ходил в город, посещал ссыльных больных и разыскивал их по городу, и при виде их, всякий раз возвращался домой с печальным сердцем. И мы с женой просили Господа, чтобы Он возбудил сердца братьев, которые находятся на свободе, помочь средствами этим страждущим и облегчить им страдания. Тогда же писал я многим моим знакомым о положении ссыльных и что для них необходимо нужна материальная помощь. Это случилось, когда в России были голодные годы и из внутренних губерний приехали многие добровольно в Закавказье. Работы и службы были заняты голодающими, а ссыльных сектантов на службу в казенные учреждения не принимали. В скором времени братья стали присылать пособия для нуждающихся.

«Материалы к истории и изучению
русского сектантства и раскола».

Свобода в узах

Дорогие братья и сестры! Дорогая Церковь Христова!

Приветствую всех вас любовью Господа Иисуса Христа и шлю вам мой сердечный христианский привет из тесных уз!

Я рад возможности иметь с вами письменное общение. Прежде всего хочу поблагодарить вас за неусыпную заботу обо мне, моей семье, об узниках. Вашу заботу и неоценимый труд может вознаградить только Господь. Да воздаст Он вам за ваши молитвы, за ваше участие, за ваше бодрствование.

Я очень рад, что многие братья и сестры возвратились в церковь, не пожелав подвергать себя игу рабства.

Одни юрист по образованию, но такой же заключенный, как и я, сказал мне: «Завидую вашей свободе в тюрьме, вашей независимости».

Если люди завидуют моей свободе в узах, то и вы должны особенно ценить свободу Христову, хотя отовсюду стесняемую и пренебрегаемую многими. Я утешаюсь и радуюсь тому, что вы пребываете в свободе Христовой. О как дорого это и ценно, и всем нам понятно, что свобода Христова в настоящее время не дается без борьбы. «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Я всегда внутренне сам в себе восхищаюсь и восторгаюсь всему тому, что сотворил со мною Господь, спасший меня в этом погрязшем мире и соделавший меня Своим наследником. Находясь в узах, я еще больше восторгаюсь всему тому, что соделал со мною Господь. Ибо здесь воочию я вижу страшное растление и разложение этого мира. Здесь же Господь показывает мне ту бездонную пропасть, которая разделяет меня от погибающего мира. Но ведь я, и все мы, находимся на другом берегу от бездны, на берегу спасения. «В какой я бездне утопал, при мысли я страшусь, но Ты меня и там разыскал, Спаситель мой, Иисус. Когда на ров земного зла, где гибнул, оглянусь, тогда звучит моя хвала, Спаситель мой Иисус!»

В коротеньком письме всего не изложишь и не опишешь, что при-

ходится переживать: и горести и радости чередуются на пути страданий.

Не так давно мне было очень трудно и тяжело. Я писал тогда семье, что от труда и тяжести физически изнемогаю до предела и чувствую себя распятым на железном кресте среди злодеев. Но в данное время я благодарю Господа, ибо Он и здесь явил милость Свою, и мне стало значительно сносно.

Дорогие братья и сестры! Молясь об узниках, не переставайте молиться за наш родной народ, за Россию, за пробуждение и полную свободу проповеди Евангелия в России.

Мне не всегда возможно пребывать в молитве, но, пользуясь малейшей возможностью я всегда молюсь об этом. Еще раз хотел бы просить вас молиться о моем сыне. Среди всех испытаний и скорбей для меня нет больше того, что сын оставил Господа. Но чтобы ни случилось, у нас один путь — поспешно бежать с молитвой к Господу, ибо Он — наше упование, наша опора, наше прибежище и щит. Не я первый испытываю этот удар. Иов потерял всех своих сыновей и дочерей под развалинами обрушившегося дома, но пребыл до конца верным в своем испытании и получил от Господа новых сыновей и дочерей. Итак, буду уповать на Господа, на Спасителя моего Единого, могущего и из мертвых воскрешать.

Заканчивая письмо, всех вас, дорогие, прошу бодрствовать и не унывать. Примите мой братский привет, который я шлю абсолютно всем. Господь со всеми вами.

Вспомни обо мне...

«Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет...» (Быт. 40, 14)

В мире существует закономерность: чтобы одному было хорошо, другому должен для этого чем-то пожертвовать.

Для того чтобы было хорошо великому множеству израильтян, а также семейству Иакова, Иосифу пришлось претерпеть унижение, предательство, искушения, темницу. «В железо вошла душа его»,— сказано

о нем (Пс. 104, 18). Он находясь в тюрьме, просил виночерпия: «Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет...»; но тот не вспомнил.

Неемия тоже был виночерпием у царя, но услышав о бедственном положении своего народа и о том, что стена святого града Божьего разрушена, а ворота сожжены, сел и заплакал и был печален много дней. Он не был равнодушен к страданиям народа, но постился и молился и Бог услышал его молитву. Несмотря на большие препятствия стена Иерусалима была восстановлена, все было сделано хорошо, но Неемии ради этого пришлось претерпеть много трудностей.

Хлеб, который мы употребляем в пищу и за счет этого получаем жизнь на самом деле есть множество слившихся в одно зерен, из которых ушла жизнь.

«Я — есмь хлеб жизни»,— говорит о Себе Христос. И для того, чтобы нам было хорошо, Он отдал Свою жизнь для искупления многих. Мы с вами сегодня имеем вечную жизнь только потому, что ее добровольно отдал за нас Сын Божий.

Христос испытал узы, был связан и избит бичами, был осмеян и оплеван. Тот, Кто прекраснее сынов человеческих, был обезображен паче всякого человека за меня и за тебя, мой друг. Поэтому, помни Господа, Который тяжкими страданиями приобрел нам жизнь и все сделал для нас хорошо и весьма хорошо.

Души многих праведников и пророков также были «закованы в железо». Весь мир не был достоин их, а они скитались, как бездомные нищие, были перепиливаемы, мучимы. Великому пророку — Иоанну Крестителю мечом сняли голову...

И в наш двадцатый век путь Господень не изменился. Он также узок и тернист. Но путь праведника — прям и нечестивый не вступает на него. Кто следует за Господом этим путем, сегодня тоже переживают скорби и лишения, узы и гонения.

Сегодня, чтобы нам, верующим, в некоторых отношениях было хорошо, многие наши братья и сестры переносят трудности подобно Иосифу. Хотя сегодня руки и ноги наших узников не забивают в колоды, но, как некогда душа Иосифа вошла в железо, так сегодня, можно сказать, души наших братьев закованы в землю и цемент, где нет солнечного света, где нет чистого Божьего воздуха.

Некоторые верные свидетели нашего времени также умерли в пытках и были повешены. Тела их были страшно изуродованы, побиты и пожжены раскаленным железом.

Но слава живому Богу, Который вчера и сегодня и вовеки Тот же. И только Он один может дать такую твердость и силу преодолеть страшные мучения и остаться верными Ему до смерти.

Почему же они так страдают? Да потому, что нам через их страдания становится хорошо.

Если вспомнить прошедшие годы, то мы пережили страшный духовный голод. Не осталось почти нигде хороших Библий и Евангелий, все книги пришли в негодность. Но через скорби, страдания и лишения, через самоотверженный труд детей Божьих, которые остались верными Богу до уз и смерти, Бог соделал великое чудо и в двадцатом веке!

Многие сегодня имеют новенькие Евангелия, Библии. Хористы славят Господа, держа в руках новые нотные сборники и песенники.

Малые нации, веками не имевшие духовной литературы на родном языке, получили ее от издательства «Христианин».

Пользоваться всем этим нам весьма хорошо, а поэтому не забудем тех, через кого Господь послал нам такие благословения. Не забудем их семьи, жен и детей, матерей и отцов, служителей, через которых Господь совершает это великое и святое дело, чтобы Духу Святому не было препятствия в наших сердцах.

Итак, будем, во-первых, помнить «Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых». А также тех, кто страдает за Господа даже до уз. Они просят нас: «Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет».

Бодрствуйте

Пожелание узника.

Дорогие братья и сестры, дорогая Церковь Божья, мир вам!

Очень рад и благодарен Богу, что могу снова написать вам и иметь это сладостное общение духа во имя Его. «Истомилась душа моя, желая во дворы Господни». Но и это желание исполнится в свое время, в день, предназначенный Господом — ни раньше, ни позже. Он лучше знает, где нужно быть и сколько. Люди стараются выйти отсюда хотя бы на месяц раньше. Но мы не можем этим воспользоваться, потому что не идем на условия. У нас условие свободы одно: еще ревностей служить Господу! Если Господь не пожалел Свою драгоценную жизнь, нам ли жалеть нашу, которая и гроша ломанного не стоит?!

Конечно, кому не дороги семья, особенно дети, друзья, свобода? Но, если любим Его, то не должны жалеть их ради Него.

Аврааму гораздо легче было бы принести в жертву весь дом свой, даже если бы он полон золота, но Господь сказал: «Принеси сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь».

«И если Ты захочешь взять,
Что мне больней всего отдать,
О, дай мне радостно сказать:
Как хочешь ты!»

Именно таким путем прошли отцы наши, пожертвовавшие ради Господа самым дорогим и собою. Они оставили на пути нашем кровавый след и лучший образец для подражания. Нам, сынам и дочерям их, вместе с внуками, остается только благодарить Господа за них и благоговеть перед их верностью и в тайне сердца сожалеть, что мал наш труд и бедны наши жертвы Тому, кто пролил Кровь и несомненно достоин большей любви, и тем более — не нашей половинчатости. И хочется любить Господа так, как любили отцы, не на словах лишь, а от всего сердца. Отдавать, так — все, без остатка; верить, так чтобы бесы боялись; служить, так — не двум господам, а как мы поем:

«Если отдаться, так — навек!
Если любить, то — всецело.
Так, чтобы пламенем жарким
Сердце победно горело!»

Путь истинного христианина всегда связан с жертвами, большими и малыми. Ради Христа мы должны быть готовы отказаться от многих благ жизни. «Если, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» — сказал наш Спаситель. И чем больше мы приближаемся к Нему, чем глубже Его познаем, тем мизернее и ничтожнее кажутся земные богатства, тем меньше они привязывают нас к себе.

Ради Христа почитать все за сор! О, это — наидрагоценнейшее богатство души живого христианина! И оно дается не всем и не сразу, но по мере духовного роста, по мере веры и дара Христова, по мере нашей любви к Нему. Почитать все за сор. Такой сомоотрешенности и преданности Богу больше всего не хватает нам всем. Очень хорошо вырабатывать это в себе смолоду, когда еще только формируются твердые взгляды на жизнь и на многие вещи в мире. Тогда нужно ясно и определенно решить главный в жизни вопрос: кому отдать свое сердце. Это определит наше будущее: для кого жить, быть или не быть Его благословением.

Дорогая и милая молодежь, забываемые друзья, братья и сестры! Теперь отдайте себя Господу! Отдайте целиком, не половину, как Анания и Сапфира. Вручите Ему все настоящее и будущее и Он поведет вас Своим особым путем и благословит вас. Если вы пойдете тогда и через львиный ров, Ангел Его защитит вас от всякого зла; через огонь — не обожжетесь, но выйдете как трое отроков, еще более свободными; через реки — и они не потопят вас; пойдете ли через Голгофу и будете носить терновый венок — это будет прекраснейшим украшением для головы истинного христианина. Бог будет с вами и поддержит вас и вы прославите Его. Только стремитесь всецело принадлежать Ему и быть во всем верными.

Правда, всем нам свойственно оправдывать свое нерадение и холодное состояние то большой семьей, то физической усталостью и немощью, то недостатком свободного времени. Ссылаться на внешние условия, которые приковывают нас к железной колеснице и мы вынуждены делать кирпичи вместо того, чтобы с большей отдачей служить Господу. И, действительно, это так. Все лучшее время дня, все свежие силы мы отдаем заботам о куске хлеба, а к вечеру, когда нужно пойти в собрание или посетить брата, побеседовать с неверующим соседом или побыть со своими детьми, у нас столько домашних дел! Если же идем куда, нередко уставшие и нетрудоспособные. Неудивительно, что трудно

бывает пободрствовать иногда и два часа, а когда преклоняем колени у постели, то чуть ли не падаем. И все же, настоящая причина неполной отдачи себя Господу не во внешних условиях, не в недостатке свободного времени и сил и даже не в физической немощи, а лично в самих нас, в нашей слабой любви к Немю.

И тем более, что Господу нужно не количество принесенных нами даров и не множество больших жертв и подвигов. Для Него ценна наша ревность и усердие, наша отдача Ему. Братья македоняне и в притеснениях, и нужде служили Господу гораздо усерднее, нежели пресытившиеся и обогатившиеся коринфяне, ибо среди великого испытания скорбями, они преизобиловали радостью, а глубокая нищета их преизбыточествовала в богатстве их радушия. Нужда и бедность в горении нашем перед Богом — не помеха. Наоборот, они делают нас более отзывчивыми и простыми. У бедного брата всегда находится скорее копейка и время помочь ближнему, да и место в доме его для приезжего. Причем, и скудная пища его намного вкуснее изысканных блюд брата зажиточного. Не так ли и бедная вдова с одной лептой в руке сделала намного больше всех богачей с их кошельками, полными золота.

Конечно, это не значит, что мы не должны бороться с нуждой. Должны. Но борьба эта скрывает в себе много для нас и опасного. Дело в том, что нужда — понятие растяжимое и каждый ее измеряет по-своему. К тому же, борьба с нуждой легко переходит к излишеству. Здесь нет ясной границы, отделяющей одного от другого, межи, где оканчивается насущная нужда и начинается прихоть. А межа эта есть, межа древняя, первохристианская.

Первые церкви считали нуждой, когда не было что есть и во что одеться. Имея пропитание и одежду, были довольны, ревностно служили Господу, с радостью ожидая Его явления на землю. Мы же нужду понимаем иначе. К пропитанию и одежде мы прибавляем еще многое, а иногда и через чур многое. Таким образом, борясь с нуждой, мы незаметно преступаем христианскую межу или сознательно отодвигаем ее, хотя написано: «Не передвигай межи давней».

Потребности греховной плоти нашей не ограничены, и если мы не поставим ей жесткий предел, она поглотит все наше существо, отнимет все силы и время, угасит ревность в служении, не даст нам жить полной духовной жизнью. Нужды наши бесконечны. Мы думаем, приобретем еще такую-то вещь и на этом уже все, больше будет времени для Господа, чаще будем ходить на собрание... Приобретем, а с ней связаны другие, и так без конца.

Борьба с нуждой — это топкое болото без дна, вынимаем из него одну ногу, погружается вторая, и чем больше барахтаемся, тем глубже оно вса-

сывает. И все это потому, что преступили христианскую межу и вступили в стихию мира. Попечение о плоти у нас превращается в похоти. Заботы века сего и желание иметь больше, погоня за современностью, модами обращаются в подражание миру и дружбу с ним. «Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть дьявольскую и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 9). Далида жизни нашей — плоть со своими ненасытными «дай-дай», полностью овладевает нами, сладко убаюкивает на своих коленях и мы, остриженные и ослепленные, лишены силы и духа, прикованные вечной нуждой к жерновам, крутим их день и ночь, как обреченные.

«Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так... Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались излишеством, непотребством объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Евр. 6, 9—12; Лук. 21, 34).

А день тот очень близок. Если не мы сами, то дети наши обязательно увидят его зарю. Все события говорят об этом. На мировых часах — полночь. Мера всеобщего отступления и беззакония наполнилась и переливается через края. Войны, землетрясения, голод, болезни — верные симптомы приближающегося конца. Кризисы, инфляции, перевороты, неразрешимые проблемы в связи с перенаселенностью земли, зараженностью и отравлением природы, накоплением страшного оружия и многое другое. Великие умы сегодня в смятении, море возмущается и шумит, люди издыхают от страха в ожидании будущих бедствий, грядущих на вселенную; мир задыхается и не сможет скоро существовать. Смоковница распустила почки и сильно разбрасывает свои ветви, так что никакие ветры и силы мира не могут приостановить наступление лета. Мир делится на системы и союзы, наполняется ересями и учениями бесовскими, пришло время родиться человеку греха, дух которого уже давно в мире.

Проповедь Евангелия звучит во всем мире, как предупреждение и свидетельство, ибо близок всему конец. Церковь Христова убеляет свои одежды, поправляет светильники и ждет крика: «Вот жених идет! Выходите навстречу Ему!» Неразумные же еще глубже засыпают, думая, что еще не скоро придет Господь и желают поцарствовать в мире. Мы же не во тьме, чтобы день тот нас застал внезапно. Поэтому, если все это так разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии нам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, дабы быть достойными и не погибнуть?!

Будем бодрствовать и молиться, возлюбленные, о себе и своих семьях, чтобы Господь сподобил нас избежать всех сих бедствий и удостоил предстать перед Ним непорочными.

Из поэтической тетради

НОЙ

Песня ветра

Слышу как ветер мне в окна стучит,
Плачет, как мать над безжизненным сыном
Выйду.

Как смею его огорчить
Может, он — вестник под куполом синим?

Может, он в прошлом слышал из уст
И, как гонец, чрез пустыни и горы
Слово несет, что сказал Иисус,
Перед грядущей лавиной горя?

Неба простор над главою застыл
Разве я стану к ветру спиною?
Только б иоты не упустить
Слышу слова:

«Как бы-ло
в дни Но-я...»

Песню ли это мне буря поет?

Слышно: «Так бу-дет

в при-шест-вие Сына...»

Ветер, скажи, Он скоро придет?

— Скоро-о!

И ветер умчался в пустыню.

Желание

Хоть годы несутся как чайка над морем,
А юности берег растаял в тумане,
Но в сердце не стерто:

«Се, грядущи скоро!»

И эти слова, как маяк капитану.

Мой долг быть свидетелем в злой атмосфере,
Но чувствуют слабость усталые ноги,
Кто дух ободрит негибавшей верой,
Испытанной в дальних суровых дорогах?

И в сердце костром возгорелось желанье:
Оставить на время занятие земное
И духом почувствовать близость свиданья
С праведным Ноем.

Горящий светильник

Быстрее тифа размножался грех,
Сгорала совесть,

как сухие листья,

И дьявол, улыбаясь, руки грел

Довольный отверженьем Божьих истин.

Смотря на мир с огромной крутизны,
Где разлилось неверие рекою,
В нем зло кипело:
 как же соблазнить
Своим коварством праведного Ноя?
Но не под силу было для ума
План изобрести:
 как потушить светильник?
Он не любил, когда редела тьма
И правда проникала в мир могильный.
А праведник не уставал в мольбе,
Прося о покаяньи ближних, дальних...
Как вдруг,— Господень голос:
 — Мир тебе!
Началом был небесного свиданья.
Немного было трепетных минут,
И те неслись в неповторимом беге...
Понятно стало:
 надвигался суд,
А от суда спасение — в ковчеге.

Ковчег строится

О ковчеге весть пришла к живущим
Словно в жаркий полдень выпал снег,
Но не стихли голоса поющих
И волной выплескивался смех.
Новость облетала все пределы,
Приползала от шатра в шатер:
— Что старик придумал? В самом деле
Воздвигать ковчег? — Ребячий вздор!
Приходили и разубеждали,
Пристыжали на глаза родни:
— Ной! С тобою юность мы встречали
И прожили мирно до седин.
Посмотри, как мир благополучен!
В песнях, танцах незаметна смерть,
Устроив жизнь свою получше,
Стоит ли в грядущее смотреть?
Жизнь познав, я утверждаю смело:
Смысла нет опасной ждаты поры...
Но в ответ пила о чем-то пела
И стучали стройно топоры.

Закрытая дверь

Не безумье ль — мудрость человека,
Где его пылливый острый ум?
Даже тварь искала дверь ковчега,
Распознав смертельную беду.
Птицы с криком распрощались с роцей,
Но, смотря на все, твердил мудрец:
«Ной, конечно, только дрессировщик,
Нам вредна тревога для сердец!»
И не знал, отбросивший стеснение,
Правду попиравший и теперь,
Что к его желанному спасенью
Бог закрыл в ковчеге плотно дверь.

Возмездие

Жуткий собачий лай
Вмиг разметал тишину,
В полдень
по небу ползла
Ночь на страну.

Солнце сокрылось во тьме,
Словно попало в плен,
Ливень, как тысячи змей,
Падал к земле.

И потянулись дни
Медленней, чем года...
Бьет из земли родник
Как никогда!

Ужаса тень в глазах,
Слышно сквозь стон и вой:
— Мамочка, правду сказал
Дудушка Ной!

Слезы смешались с дождем,
Платье прилипло к плечам...
— Дочь, мы к ковчегу идем,
Сдержим печаль.

Беженцев ждет ураган,
Дождь — неприятель — стеной...
— Кто же спасет от врага,
Может быть, Ной?

Люди, увидев смерть,
Ищут спасенья пути...
Вот и ковчега дверь:
— Ной, пощади!

Женщины, взяв детей,
С невыразимой мольбой
Просят в слезах: «Скорей,
Друг наш, открой!»

Плачет стучась старик,
Силы едва собрав:
«Родненький, не призри,
Я же — твой брат!»

Тихо... и вдруг изнутри
Смерти подобен отказ:
— Дверь не я затворил,—
Божья рука!

— Немилосердный Бог! —
Слышен упрек из тьмы,
Но кто-то вступил в диалог:
— Жестоки мы!

Призрак смерти

Долго смерть среди сумерек бродила,
Призраком металась по волне,
Видела как покидали силы
Храбрецов скользящих по скале.

А они, добравшись до вершины,
Не смущаясь раскаянья слез,
Умоляли, чтобы вод пучина
Не покрыла в ярости утес.

Память возвращала тихий вечер,
Ноя, убедительный призыв:
— Дети, преклонитесь перед Вечным,
Чтобы Божьей избежать грозы.

Но слова пророка были скучны,
Увлекало общество тогда...
А теперь

проглатывала кручу
Вместе с ними мутная вода.

Рядом тигр, держа в зубах тигренка,
Слыша отчаяния слова,
На своем наречии негромко
Жалобно о помощи взывал.

И, казалось, был услышан.

Зримо,

рассекая тысячи валов,
Плыл ковчег,

но проходил он мимо,
Не ответив на предсмертный зов.

Захлебнулся крик под грозным небом,
Взмах последний сделала рука,
И бесшумно

тонкий смерти невод
К преисподней души увлекал.

Снова земля

Убывала буйная вода,
Покидая острые вершины,
Обнажая скалы — исполины,
Видевшие ужасы суда.

Солнца диск, прорвавши облака,
Раздробился в разъяренных волнах,
Но смирил их,

и при штиле полным
Снова землю светом обласкал.

Первый раз в раскрытое окно
Луч проник спасенным, как награда,
Но на лицах — сдержанная радость,
Радость, опаленная огнем.

Льнула с трепетом земля к лучам
Мокрою прозябшею скалою,
По равнинам — бархатной травой
И в набухших почках — по ветвям.

Видит Ной разлитую лазурь,
Небо снова в милости безбрежно,
Крылья ветра ласковы и нежны,
Но душа не позабыла бурь.

В памяти всплывает жуткий крик
И тревожит голосом притихшим:
— Чист ли ты от крови всех погибших,
Ведь от смерти только ты с семьей укрыт?

В совести спокоен он...

Перед ним
Голубь держит веточку маслины.
Вскоре птицы улетят к долинам
И утонут в звонких трелях дни.

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Это происходит от Господа</i>	1
2. <i>Все ко благу</i>	2
3. <i>Можно ли стать святым? (Пейсти)</i>	3
4. <i>Величайшее благо жизни (Сперджен)</i>	7
5. <i>Записки баптиста</i>	12
6. <i>Свобода в узах</i>	20
7. <i>Вспомни обо мне</i>	21
8. <i>Бодрствуйте!</i>	24
9. <i>Ной (поэма)</i>	28

